

В.Л. Каплун
(Санкт-Петербург)

THICK DESCRIPTION КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ: ГИРЦ ИЛИ РАЙЛ?

В чем должна быть специфика метода социальных наук, имея в виду особую природу их объектов, отличную от природы объектов мира физического? Как должно строиться описание анализируемой нами «социальной реальности», чтобы оно могло считаться адекватной этой реальности? Эти вопросы сопровождают социальные науки с момента их рождения. Но и веберовская, и дюркгеймовская традиции в теоретической социологии, пытаясь ответить на эти вопросы, остаются во многом в границах философского языка, пришедшего из XIX в. Нас же интересует радикально новая постановка вопроса о методе социальных наук, которая становится возможной благодаря складывающейся в 1930–1950-х годах оксфордско-кембриджской традиции философии языка и философии действия. С 1960-х годов характерные для этой традиции теоретический язык и стиль мышления, рождающиеся в работах позднего Витгенштейна, Г. Райла, Дж. Остина, Э. Энскомб и других, начинают оказывать заметное влияние на социальные науки. В данной статье будет рассмотрен один конкретный пример такого влияния, связанный с введенным Г. Райлом понятием *thick description*.

Это понятие сегодня прочно связано с именем замечательного американского антрополога Клиффорда Гирца. В 1973 г. он опубликовал книгу «Интерпретация культур», быстро ставшую знаменитой и вызвавшую много споров. В этой книге Гирц использует категорию *thick description* для характеристики метода описания, который, по его мнению, должен составлять самую суть современной социальной антропологии. Во многом благодаря именно книге Гирца, *thick description* к концу XX в. постепенно становится одним из основных понятий современных социальных наук. Знаменитый метод «плотного описания», который мы находим практически во всех российских учебниках по качественным методам, представляет собой транскрипцию гирцевского подхода, правда, чаще всего в сильно банализированной версии и без указания на первоначальное происхождение термина¹.

Книга Гирца (точнее, ее теоретическая часть) является, судя по всему, одной из наиболее ярких — а возможно, и одной из наиболее спорных — попыток операционализировать специфику метода социальных наук с помощью теоретических достижений традиции философии языка и философии действия. В чем плюсы и минусы предлагаемого Гирцем подхода, и что в нем осталось от идей Гилберта Райла?

В теоретическом отношении подход Гирца, возможно, интересен не только и даже не столько предлагаемыми им ответами, сколько заново поставленными вопросами. Комментаторами уже отмечалось, что в том, как Гирц предлагает решать проблему метода социальных наук, содержится определенная путаница.

---

¹ Традиция перевода термина на русский язык еще не сложилась, и его переводят по-разному: «насыщенное», «плотное», «густое», «толстое». Можно даже встретить предложение переводить его как «смачное описание» (см.: [1]). Несмотря на некоторую неуклюжесть этого варианта, мы — по причинам, которые станут понятны ниже, — предпочитаем здесь переводить его как «толстое описание».

Она, среди прочего, связана с тем, что Гирц пытается опереться одновременно на две принципиально разные и, вообще говоря, трудносовместимые традиции мысли: стиль мышления в духе философии языка Райла и позднего Витгенштейна и стиль мышления в духе старой немецкой традиции *Geisteswissenschaften* и философской герменевтики [2]. Но в то же время, с нашей точки зрения, это гирцевская попытка оказывается чрезвычайно ценной именно тем, что позволяет по-новому сформулировать саму проблему, сделать ее более ясной и указать на ее важность, а также вспомнить об идеях Г. Райла.

В «Интерпретации культур» Гирц подчеркивает, что заимствует идею *thick description* у Райла — и это не просто заимствование термина. Гирц действительно пытается сделать из райловского концепта основное понятие своего метода. Разработке этого понятия посвящена практически вся первая глава книги с названием, которое говорит само за себя: «**Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture**»². Данная глава представляет собой своего рода теоретический манифест нового подхода в социальных науках, который Гирц назвал «интерпретативной антропологией». С помощью райловского понятия Гирц определяет здесь специфику социальной антропологии как науки в целом:

«...Если вы хотите понять, что представляет собой та или иная наука, вам прежде всего следует... посмотреть на то, чем занимаются практикующие ученые.

В антропологии, во всяком случае, в социальной антропологии, ученые занимаются этнографической практикой. И начинать разбираться в том, что представляет собой антропологический анализ как форма

---

² В существующем русском переводе: «“Насыщенное описание”: в поисках интерпретативной теории культуры» [3]. Нижеследующие русскоязычные цитаты приводятся по этому изданию. По мере необходимости я корректирую перевод — в дальнейшем это отдельно не оговаривается.

знания, следует с уяснения, что такое этнография или, точнее, *что значит заниматься этнографией...* Согласно изложенной в учебниках точке зрения, заниматься этнографией — значит устанавливать контакты, выбирать информантов, записывать тексты, выявлять родословные, составлять карты, вести дневники и т.д. Но вовсе не это, не технические и заученные процедуры определяют данное предприятие. Его определяет специфический род интеллектуального усилия: сложная работа по созданию, — я заимствую понятие у Гилберта Райла, — “насыщенного описания” (“thick description”)» [3, с. 11–12].

Тезис Гирца полемически заострен: вопреки распространенному мнению, вовсе не процедуры сбора данных «в поле» определяют специфику социальной антропологии как науки, а особого рода «интеллектуальное усилие», «работа по созданию “насыщенного описания”». И это утверждение принадлежит не кабинетному ученому, но полевому антропологу; сам Гирц в течение многих лет проводил исследования на Бали, на Яве и в Марокко, и в книгу «Интерпретация культур», кроме теоретической части, вошли очерки, написанные по результатам этих исследований. Теория в данном случае служит для осмысления многолетнего опыта полевой работы.

Идея специфичности метода социальной антропологии естественным образом вытекает у Гирца из идеи специфичности изучаемого ее объекта — «культуры»:

«Концепция культуры, которой я придерживаюсь и полезность которой пытаюсь показать в собранных в этой книге очерках, является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ — за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений. Выявление и разъяснение значения — именно та цель, которую я преследую, когда разбираю внешне загадочные выражения социального» [3, с. 11].

Социальная антропология, таким образом, должна быть не «экспериментальной» наукой, «занятой поисками законов», но «интерпретативной, занятой поисками значений». Мы узнаем в этом тезисе отсылку к старой дискуссии о методе социальных наук между сторонниками веберовской и дюркгеймовской традиций — дискуссии, сопровождающей социологию с момента ее институционализации. Гирц здесь однозначно принимает сторону Вебера: объект социальных наук — «социальное», или «культура», — по своему характеру принципиально отличается от объекта естественных наук — «природы»; это — не «вещи», но «смыслы». Следовательно, методом социальной антропологии должен быть не метод «объяснения» через поиск управляющих поведением причинно-следственных законов, внешних и принудительных по отношению к социальным акторам, но метод «понимания» через интерпретацию «смыслов» человеческих действий.

Но что означает «понимать»? Любая концепция «понимания» в социальных науках должна опираться на соответствующую концепцию «смысла», или «значения» («пониматься» должны именно «смыслы» или «значения»). Когда Гирц объявляет, что основа метода социальной антропологии — это «понимающий, *verstehen*, подход» [3, с. 22], он вновь отсылает читателя к веберовской традиции понимания, связанной с общей герменевтической традицией *Geisteswissenschaften*. Но в то же время, несмотря на прямые отсылки к Веберу, концепция «понимания», которую пытается развить Гирц, не совсем веберовская. Он стремится преодолеть старый язык веберовской традиции, где «понимать» означает интерпретировать субъективный смысл, который индивиды сообщают своему поведению, через соотнесение его с трансцендентным миром ценностей, и соединить его с языком, разработанным Райлом и Витгенштейном,

предполагающим совершенно иную, невеберовскую концепцию «смысла», или, говоря точнее, «значения». Именно к этой новой концепции значения Гирц отсылает читателя с помощью заимствованного у Райла понятия («...этнография — это “насыщенное описание”» [3, с. 16]).

Можно ли считать эту гирцевскую попытку синтеза успешной? С нашей точки зрения, в ней оказались неучтенными наиболее интересные части того, что было предложено Райлом в качестве концептуальных инструментов для анализа феномена «человеческого действия». Ниже мы покажем, что, хотя гирцевское прочтение Райла сыграло важную позитивную роль в развитии методологии социальных наук конца XX в., разработанная Райлом проблематика *thick description* может дать современной социальной теории гораздо больше того, что она уже дала благодаря прочтению Гирца.

Что такое «насыщенное описание»? Гирц поясняет смысл этого понятия на знаменитом примере, взятом из статьи Райла «The Thinking of Thoughts: What Is “Le Penseur” Doing?»³. Представим себе двух мальчиков, совершающих быстрое движение глазами — смыкающих и размыкающих верхнее и нижнее веки правого глаза. Первый мальчик совершает это движение произвольно, второй подает тайный сигнал своему приятелю-сообщнику. С физической точки зрения эти два движения одинаковы. По фотографии или кинокадру, запечатлевшему это движение век, невозможно сказать, какое из них было подмигиванием, а какое — простым морганием. В то же время, хотя фотография неспособна ухватить различие между этими движениями, само

---

³ Статья Райла была впервые опубликована в 1968 г. и воспроизведена во втором томе сборника «Collected Papers», вышедшем в 1971 г., незадолго до выхода книги К. Гирца. Ниже я цитирую эту статью Райла по переизданию: [4].

это различие огромно, пишет Райл. «Это хорошо понимает каждый, кто хоть раз по ошибке принял одно за другое», — добавляет Гирц уже от себя [3, с.12].

Благодаря Гирцу, райловские моргающие и подмигивающие мальчики стали, в итоге, символом применения идеи *thick description* в социальной антропологии. На уровне «тонкого», или «ненасыщенного» (*thin*)⁴, описания два движения представляются одинаковыми («у мальчика быстро сомкнулись и разомкнулись веки правого глаза»). Но когда мы анализируем факты культуры, именно «толстое», или «насыщенное» (*thick*), описание действия, т.е. такое, которое учитывает его смысл («мальчик подмигнул, послав сигнал приятелю быстрым смыканием век правого глаза»), оказывается единственно адекватным описанием того, что здесь на самом деле происходит.

Переходя на социологический язык, мы можем сказать, что «толстое» описание в этом примере есть описание подмигивания как *социального действия* («крупницы культуры», пишет Гирц). Оно, действительно, среди прочего, позволяет отличить «подмигивание» от «моргания» — простого непроизвольного движения век. Но этого мало. У Райла это только начало. Как подчеркивает сам Райл, его пример служит не только и не столько для того, чтобы указать на различие между намеренным, или интенциональным, *действием* (всегда направляемым предзаданным социальным кодом (*code-governed*)) и непреднамеренным, чисто

---

⁴ Райл пишет: «На самом нижнем, или самом тонком уровне описания [*at the lowest or the thinnest level of description*]» [4, р. 480]. В модели Райла речь идет не о двухуровневой, а о многоуровневой модели описания, в которой степень «толстоности» или «тонкости» описания определяется тем, насколько полно в нем представлены все последовательно вложенные друг в друга уровни, из которых оно состоит. Прочтение Гирца, как будет показано ниже, эту многоуровневую модель описания игнорирует и сводит ее к простой бинарной оппозиции: *thick* versus *thin*.

физическим движением. Это различие само по себе, пишет Райл, нам хорошо знакомо [4, р. 480—481]. Указав на него, он постепенно все больше усложняет свой пример, выводя на сцену, в дополнение к двум мальчикам, еще несколько подмигивающих персонажей (я рассмотрю его виртуозный анализ ниже).

По сути, на этом примере с подмигивающими мальчиками Райл пытается продемонстрировать разработанную им общую модель описания человеческого действия. С нашей точки зрения, эта модель заслуживает отдельного внимательного обсуждения. Ниже мы рассмотрим два ее аспекта (на самом деле, их можно выделить больше, но здесь будут рассмотрены только два): 1) концепцию кодо-сообразного (*code-governed*) действия, опирающуюся на соответствующую концепцию значения (она близка к витгенштейновской концепции правило-сообразного действия); 2) принцип анализа действия через описание его логической структуры. Наш тезис заключается в том, что первый аспект гирцевское прочтение учитывает (правда, лишь частично), а второй — полностью игнорирует.

Начнем с первого аспекта. Чем именно подмигивание отличается от моргания? Вовсе не тем, что в случае подмигивания чисто физический жест (моргание) якобы дублируется жестом ментальным, который бы наделял физический жест смыслом. «Подмигнуть» — не значит совершить одновременно (или последовательно) два действия, физическое и ментальное, как это нередко ошибочно представляют: сомкнуть веки и мысленно послать сигнал [4, р. 480—481]. Мальчик в этом примере совершает только одно действие — подмигивание. Это, заметим в скобках, принципиальный пункт райловского анализа, предполагающего, среди прочего, преодоление декартовского дуализма ментального и телесного и соответствующую критику менталистской концеп-

ции социального действия⁵. И в этом пункте Гирц, пересказывая пример Райла, точно следует за первоисточником:

«Подмигивающий, как замечает Райл, не производит двух действий (смыкания век и подмигивания), в то время как моргающий производил бы только одно (смыкание век). Намеренное смыкание век в условиях существования социального кода, согласно которому таковое принимается за конспиративный сигнал, и есть подмигивание. Вот что это такое: частица поведения, крупица культуры и — *voilà!* — жест» [3, с. 12].

Отсюда следует важный для антропологии вывод. Подмигнуть возможно только в культуре, где существует соответствующий предустановленный «социальный код», или, другими словами, соответствующая модель, паттерн, социального действия, или еще, говоря словами Гирца, соответствующая «структура значения» (*structure of signification*). Только в таком культурном контексте возможно намеренное смыкание век с целью передачи тайного сигнала, и только здесь это движение будет «подмигиванием».

Именно в этом райловский пример оказывается для Гирца принципиальным важным. Он использует его как основную иллюстрацию к разрабатываемой им «интерпретативной» теории культуры, с помощью которой он, с одной стороны, пытается уйти от старых субъективистских и менталистских теорий «смысла», а с другой — противостоять «объективистскому» тренду в американском академическом мире 1960–1970-х годов, делающему упор на бихевиористические или структуралистские модели объяснения человеческого поведения. Культура не состоит из доступных простому наблюдению «внешних вещей», но она не состоит и из «внутренних» по отношению к индивидам «смыслов».

---

⁵ О декартовском дуализме и связанных с ним «категориальных ошибках» в аксиоматике современных социальных наук см. главу «Миф Декарта» в: [5, с. 21–33]. Критику менталистской концепции действия см. в главе «“Знание как” и “знание что”» [5, с. 34–69].

Культура, подчеркивает Гирц, имеет публичный характер, потому что таков характер значения:

«Критика теорий субъективного смысла занимает со времен раннего Гуссерля и позднего Витгенштейна столь большое место в современной мысли, что здесь нет необходимости вновь останавливаться на этом вопросе. Что необходимо, так это позаботиться о том, чтобы данная новость достигла антропологии; ...культура состоит в социально установленных структурах значений...» [3, с. 19].

Культура, которую должна анализировать антропология, не есть совокупность ментальных феноменов, психологических или когнитивных структур, тех или иных черт сознания индивидов. Райловская концепция значения оказывается, благодаря Гирцу, адаптированной к нуждам социальной антропологии: антропологический анализ должен заниматься разбором публичных, социально установленных структур значения, которые и делают возможными человеческие действия («осмысленные» действия), а не рассматривать «смыслы» как нечто «внутреннее» и «субъективное» по отношению к индивидам.

Рассмотрим теперь то, что мы обозначили как второй аспект райловской модели, — принцип анализа действия через описание его логической структуры. Райл, как было сказано, не останавливается на различении моргания и подмигивания, т.е. на различении чисто физического жеста, не наделенного «смыслом», с одной стороны, и «действия», т.е. жеста «осмысленного» и возможного только при наличии предзаданного «социального кода», — с другой. Он идет гораздо дальше. На этом примере он пытается проиллюстрировать разработанную им технику анализа человеческого действия в целом.

Вернемся к истории с подмигивающими мальчиками и посмотрим на ее продолжение. Предположим, продолжает Райл,

что подмигивающий мальчик еще только учится подмигивать и делает это медленно и не очень ловко. Представим себе третьего мальчика, который решил повеселить своих друзей и пародийно изображает перед ними, как второй мальчик подмигивает. Как он делает это? Все также: смыкая верхнее и нижнее веки правого глаза. На вопрос о том, что он делал, этот третий мальчик мог бы ответить: «Я пытался изобразить Томми, пытающегося послать сигнал своему сообщнику, пытаюсь быстро сомкнуть и разомкнуть веки правого глаза» [4, р. 481–482]. Но, вновь подчеркивает Райл, мальчик, передразнивая Томми, совершает не три параллельных действия, а только одно — пародирование. При этом кадр киноплёнки, который попытался бы зафиксировать это движение, отразил бы то же, что и раньше — смыкание-размыкание век правого глаза. С точки зрения наблюдателя, фиксирующего только физические жесты, это движение ничем не отличается ни от подмигивания, ни от моргания.

Такую «матрешечную» последовательность усложняющейся структуры действия можно легко продолжить дальше, пишет Райл. Чтобы передразнивание выглядело более эффективным, мальчик-пародист может решить поработать над своей мимикой в одиночестве перед зеркалом. На вопрос, что он делает сейчас, он мог бы ответить: «Я пытаюсь подготовиться к тому, как буду пытаться развеселить моих друзей, передразнивая, как Томми пытается передать сигнал своему сообщнику, пытаюсь быстро сомкнуть и разомкнуть веки правого глаза». В свою очередь, к этому действию можно также добавить следующие уровни. Например, подмигивающий мальчик может сообщить, что в данном случае он на самом деле не пытался подать тайный сигнал, а пытался ввести в заблуждение других, только делая вид, что подает сигнал. Тогда мальчик-пародист для описания того, что он делает перед зерка-

лом, должен был бы использовать уже пять глаголов, дополняющих глагол «пытаться» [4, р. 482]. Но, отмечает Райл, и в этом случае, как и во всех предыдущих, кадр киноплёнки запечатлел бы только все то же одинаковое движение — смыкание век глаза.

Как же соотносятся друг с другом «толстое» и «тонкое» описания? «Наиболее тонкое описание (*the thinnest description*) того, что делает репетирующий пародист, — пишет Райл, — примерно то же, что и для непреднамеренного подергивания век; но толстое описание (*thick description*) его действия представляет собой многослойный сэндвич, такой, что наиболее тонким описанием принимается во внимание только нижний его слой... Для отчета о том, что он пытается осуществить этим смыканием-размыканием век, т.е. спецификации условий успешности его действия, требуется вся последовательность придаточных оборотов, последовательно соподчиненных предикаций, с глаголом “пытаться” [every one of successively subordinate “try” clauses], от повторного перечисления которых я вас избавлю» [4, р. 482–483].

Таким образом, «толстое описание» действия, как предлагает понимать его Райл, это синтаксическая структура, включающая в себя все надстраивающиеся друг над другом слои описания, характеризующие соответствующие логически соподчиненные модальности осуществления действия (обстоятельства образа действия). Так, если мы опишем действие мальчика-пародиста как подмигивание («мальчик подмигнул, подавая быстрым смыканием-размыканием век правого глаза сигнал своим приятелям»), это будет лишь «тонкое» описание происходящего, хотя и не «самое тонкое». Самым тонким описанием в данном случае было бы радикально бихевиористическое «у мальчика быстро сомкнулись и разомкнулись веки правого глаза». «Толстое» описание получается из более низкого, «тонкого», с помощью до-

бавления соответствующего верхнего уровня, характеризующего, что именно здесь осуществляется посредством данного действия: «передразнивание» посредством подмигивания. Каждое толстое описание есть, в свою очередь, тонкое описание предыдущего, более низкого и более тонкого уровня, дополненное следующим слоем. Между самым «верхним» и самым «нижним» уровнями «толстого» описания располагается последовательность логически вложенных друг в друга все более «тонких» описаний. «Толстое» описание, адекватно передающее то, что здесь происходит, есть «сэндвич»: оно включает в себя верхний слой описания (в данном случае: «мальчик пародирует подмигивающего Томми») и всю нисходящую пирамиду слоев все более тонких описаний.

Насколько применим этот райловский язык описания в социологии, антропологии и других социальных науках? Конечно, проблематику *thick description* Райл изначально разрабатывает вовсе не для нужд полевых социологов или антропологов. Концептуальный аппарат «толстого описания» нужен ему для анализа особого типа действий, которые обозначаются глаголами «думать», «размышлять», «рефлексировать» и т.д. Как описать, что на самом деле делает роденовский мыслитель? — вот вопрос, который служит ему путеводным ориентиром в статьях «The Thinking of Thoughts: What is “Le Penseur” Doing?» и «Thinking and Reflecting», где разрабатывается понятие «толстого описания». Но, решая эту задачу⁶, он, в итоге, разрабатывает

---

⁶ Целью Райла была разработка такого категориального аппарата для анализа того, что мы обозначаем глаголами «думать», «мыслить» и т.д., который позволил бы избежать тупиков как картезианского дуализма (объясняющего мышление через апелляцию к неким ненаблюдаемым действиям в параллельном физическому ментальном мире), так и бихевиористического редукционизма (сводящего мышление к его физическим проявлениям, доступным простому наблюдению). Указанная проблематика разрабатывается также в статьях, собранных в сборнике: [6].

нечто гораздо большее — общую аналитику действия, пригодную для анализа действий самых разных типов. Разработанный им язык может быть использован социальной теорией в качестве нового инструмента понимания и описания социального действия в целом, и это, с нашей точки зрения, один из примеров того, каким образом оксфордско-кембриджская традиция философии действия может помочь сегодня революционизировать социальную теорию и преодолеть концептуальные тупики дюркгеймовской и веберовской традиций в эпистемологии социальных наук.

Есть еще, правда, проблема практической применимости концепта. «Толстые» описания той или иной культурной ситуации могут оказаться, так сказать, слишком толстыми, и их громоздкость, как может показаться, рискует сделать идею не применимой на практике. Вместе с тем, принцип «толстости» описания вовсе не означает, что любое адекватное описание действия должно в явном виде включать в себя полную логическую структуру, состоящую из последовательно соподчиненных причастных оборотов, описывающих соответствующие модальности (формы осуществления) действия. Такие структуры, действительно, могут быть очень громоздкими, и, когда речь идет о реальной исследовательской практике в социальных науках, ясно, что далеко не всегда есть необходимость пытаться строить и приводить их целиком. В «толстом» описании обязательно должен присутствовать верхний уровень, но, в то же время, оно может иметь свернутую (эллиптическую) форму, а степень и характер свернутости может варьироваться в зависимости от исследовательской задачи, стоящей перед социологом или антропологом, и от осведомленности аудитории, к которой он обращается. Так, например, к описанию «мальчик, пародийно подмигивая правым глазом, попытался изобразить другого мальчика, пытавшегося подмигнуть своему товарищу», естественно, нет не-

обходимости добавлять слои более тонких описаний («сознательно смыкая веки»), если мы обращаемся к представителю культуры, в которой хорошо известно, что такое «подмигивание» и как оно осуществляется. Однако мы могли бы добавить этот слой в том случае, если, например, наша исследовательская задача требовала бы указания на социальные навыки, необходимые актерам для успешности их действия, — в данном случае, на наличие базового умения «сознательно смыкать веки»⁷.

Что осталось от этой райловской аналитики действия в прочтении, которое предлагает нам Гирц? Очень мало. От райловской идеи многослойной, «сэндвичной», структуры «толстого описания», у Гирца остается лишь идея двух противоположных типов описания: «тонкого» и «толстого». Более того, эти райловские термины Гирц переинтерпретирует во вполне традиционном для социальных наук ключе. «Толстое» описание Гирц предлагает нам понимать как описание, предполагающее интерпретацию смыслов действий и ориентацию в этой интерпретации на основании интерпретации самих действующих лиц (известный принцип описания «с точки зрения туземца»), а «тонкое» — как бихевиористическое описание, отказывающееся интерпретировать смыслы человеческих действий в силу их «ненаблюдаемости» (и претендующее на максимальную «объективность» в описании доступных наблюдению феноменов).

В итоге, гирцевское прочтение Райла оказывается противоречивым. С одной стороны, пример Райла служит у него иллюстрацией к разрабатываемой оксфордско-кембрижской школой философии языка идее «кодо-ориентированного» (или «правило-сообразного») действия и соответствующей концепции значения

---

⁷ Отметим, что согласно анализу Райла, эти навыки тоже организованы иерархически: невозможно научиться «подмигивать», не научившись предварительно «сознательно смыкать веки», и невозможно научиться «пародировать подмигивание», не научившись предварительно подмигивать и отличать подмигивание от моргания.

(Гирц, правда, использует не совсем удачные термины «структуры смысла» или «структуры значения», вызывающие ассоциации со структуралистской парадигмой, но это не меняет сути дела). Эту идею он берет у Райла и превращает в весьма убедительный теоретический манифест новой антропологии:

«Суть — в следующем: между тем, что Райл называет “ненасыщенным описанием” [“thin description”] действия репетирующего (передразнивающего, подмигивающего, моргающего...) (“быстро смыкая-размыкая веки правого глаза”), и “насыщенным описанием” [“thick description”] того, что он делает (“упражняясь в передразнивании приятеля, изображающего подмигивание с целью ввести в заблуждение ничего не подозревающего наблюдателя и заставить его думать, что тут зреет заговор”), и лежит объект этнографии: стратифицированная иерархия наполненных смыслом структур, на языке которых моргания, подмигивания, ложные подмигивания, пародии, репетирование пародий осуществляются, воспринимаются и интерпретируются, и без которых они (даже простые моргания, которые как категория культуры в такой же степени есть неподмигивания, в какой подмигивания есть неморгания) в действительности бы не существовали — кто бы что бы ни делал при этом с веками своего глаза» [3, с. 13–14].

С другой стороны, гирцевская операционализация *thick* и *thin* приводит его к утверждению о том, что любое этнографическое описание, даже самая сырая запись в полевом дневнике, на практике всегда представляет собой *thick description*, поскольку в любом этнографическом описании неизбежно присутствует интерпретация — пусть даже сам антрополог-этнограф далеко не всегда отдает себе в этом отчет. Иллюстрируя эту мысль, Гирц сразу вслед за примером Райла приводит собственный пример — но уже не вымышленный, а взятый из реальной этнографической практики. Пример представляет собой отрывок из полевого дневника самого Гирца, в котором речь идет о событиях, произошедших в

горах Марокко в 1912 г. и записанных Гирцем со слов одного из участников событий уже гораздо позже, в 1968 г. В этом фрагменте, также впоследствии ставшем знаменитом, рассказывается история, случившаяся с торговцем-евреем по имени Коэн в момент, когда французские войска пытались установить в Марокко колониальное господство. Здесь в одном сложном повествовании оказались переплетенными действия персонажей, принадлежащих к нескольким радикально отличным друг от друга культурным фреймам: самого Коэна, пытающегося торговать в соответствии с еще не исчезнувшей, но уже начинающей распадаться системой традиционного права *mezrag*; шейха племени берберов, к которому Коэн обращается за помощью после того, как его ограбили представители соседнего племени; офицеров-французов из контингента колониальных войск (с переменным успехом пытающегося установить контроль над территорией), неодобрительно относящихся к старой местной системе договорных отношений.

Отталкиваясь от этого примера, Гирц формулирует два тезиса. Во-первых, антропология по самой своей сути никогда не имеет дело с «голыми фактами», но всегда только с «интерпретациями» (*thick description*), хотя об этом часто забывают:

«Прочитированный вот так, без комментариев, этот отрывок (впрочем, как и любой другой отрывок, если его аналогичным образом цитировать) дает непосредственное представление о том, насколько необычайно «насыщенным» является этнографическое описание, даже самого простого рода. В завершенных антропологических работах, в том числе в собранных в этой книге, это обстоятельство — то, что так называемый наш материал на самом деле есть наши собственные представления о представлениях других людей относительно того, что такое есть они сами и их соотечественники, — скрыто от глаз... В результате возникает мнение, что антропологическое исследование есть деятельность, в которой преобладает наблюдение и в которой интерпретации

гораздо меньше, чем есть на самом деле. Ведь, даже когда мы находимся у самого фактического основания... мы уже вовлечены в процесс толкования — хуже того — толкования толкований. Подмигивания по поводу подмигиваний по поводу подмигиваний» [3, с. 15–16].

Во-вторых, антрополог, исследующий реальные культуры, всегда имеет дело с неупорядоченным нагромождением структур значения. В этом смысле, полагает Гирц, пример Райла представляет собой слишком сильное упрощение. Собственный пример Гирца, взятый из полевого дневника, призван показать, что в реальности антрополог всегда имеет дело со «смещением языков», как в этой истории, где сложным образом переплелись как минимум три фрейма интерпретации: еврейский, берберский и французский. Из этого тезиса, который, на наш взгляд, ошибочен⁸, следует, что антрополог, сочиняя насыщенное описание, должен усилием воображения придать реальности связность, которой она сама по себе не обладает, и предложить авторскую единую интерпретацию событий, в которых переплелись разрозненные обломки разных концептуальных систем:

---

⁸ Тезис о том, что антрополог всегда имеет дело с неупорядоченной массой принадлежащих к разным фреймам структур значения, связан, на мой взгляд, с неудачным выбором примера и ошибочен. В примере Гирца, действительно, столкнулись три формы общественной жизни, три культуры — речь здесь идет о переходном моменте в развитии Марокко, когда три культурных мира встретились в одной точке пространства-времени. Но в этой истории имеет место именно столкновение, а не «смещение» языков (*confusion of tongues*). Чтобы разные «культурные языки» могли столкнуться (или даже смешаться), они должны уже существовать — каждый со своей внутренней логикой, — и их можно и нужно анализировать как отдельные общества. Ситуации же, когда мы оказываемся перед неупорядоченной массой обломков разных концептуальных структур, есть не правило, но исключение, и они предельно нестабильны. Это ситуации отсутствия устойчивых социальных институтов, ситуации, когда, в определенном смысле, уже (или еще) нет общества. Герменевтическая концепция «смысла», которую Гирц, отталкиваясь от этого фрагмента из полевого дневника, развивает на последующих страницах, опирается, с моей точки зрения, на ошибку в выборе примера и в его прочтении.

«Этнография — это “насыщенное описание”. В реальности этнограф постоянно... сталкивается с множественностью сложных концептуальных структур, большинство из них наложены друг на друга или переплетены, они одновременно чужды ему, неупорядочены и непроявлены, и он должен каким-то образом придумать способ ухватить их и выразить... Заниматься этнографией — это все равно что пытаться читать (в смысле “конструировать прочтение...”) манускрипт — на чужом языке, выцветший, полный пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев, но записанный не общепринятыми графическими знаками, обозначающими звуки, а мимолетными примерами упорядоченного поведения» [3, с. 17].

Метафора древнего манускрипта, характерная для традиции философской герменевтики, появляется здесь не случайно. Несколькими страницами ниже Гирц практически отходит от языка райловско-витгенштейновской традиции и предлагает — во вполне герменевтическом духе — понимать социальную реальность как «социальный дискурс», а ее *thick description* — как авторскую интерпретацию, призванную уловить и выразить не сам этот дискурс, но стоящий «за ним» (трансцендентный) смысл. Такое понимание *thick description* уже не имеет ничего общего с райловской идеей (у Райла речь идет о понимании реальности через описание логической структуры действия, характерного для данной культуры) и опирается на совершенно иное представление о социальном и его «смысле»⁹.

---

⁹ Гирц отсылает теперь читателя к герменевтической концепции смысла П. Рикера и к его концепции «записанного события» [3, с. 27–28]. Если у Райла смысл действия логически неотделим от самого действия (смысл подмигивания в том, что это подмигивание — не больше, не меньше, — а прояснение того, что это такое, осуществляется через описание логической структуры подмигивания как действия), то в у Рикера смысл события (акта речи) принципиально не совпадает с самим событием (актом речи), а понимается как некое отдельное от него символическое измерение («мысль», «содержание», «суть»). Антропологическое описание фиксирует смысл речевого события («сказанное»), а не сам акт речи («говоримое») [3, с. 27].

Поскольку нужно, очевидно, сделать некий вывод, пусть он будет таким. Яркое, но противоречивое прочтение Гирца, с нашей точки зрения, далеко не исчерпывает эвристический потенциал райловской идеи *thick description* для социальной теории. Это прочтение игнорирует главное — райловскую аналитику действия. Говоря социологическим языком, «толстое описание» у Райла может быть использовано как аналитическая процедура вычленения (идентификации) институтов изучаемой культуры и описания их логической структуры. Райл (как и другие представители оксфордско-кембриджской традиции философии языка и философии действия) дает нам концептуальные инструменты, позволяющие по-новому — в невеберовском ключе — определить понятие социального действия и по-новому разработать проблематику «понимания» в социальных науках, уйдя от субъективистских концепций «смысла» и от характерного для герменевтической традиции дуализма мира явлений и мира значений (ценностей, смыслов). В сочетании с разработанной им проблематикой «знания как» (практического знания, благодаря которому модели социального действия могут устойчивым образом воспроизводиться в практике социальных акторов), язык, предлагаемый Райлом, может стать эффективным инструментом анализа реального функционирования социальных институтов.

Литература

1. Эткин А. [Рецензия на книгу:] Андрей Зорин «Кормя двуглавого орла...» [on-line]. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/1/etk-pr.html>.

В результате, Гирц формулирует идею антропологического описания уже на языке традиции философской герменевтики: «Итак, этнографическое описание имеет три особенности: оно интерпретативно; то, что интерпретируется им, есть поток социального дискурса; и интерпретация состоит в попытке спасти “сказанное” этого дискурса от исчезновения и зафиксировать его в открытых для внимательного чтения словах» [3, с. 29]. Интерпретативная антропология занимается рассмотрением «символических измерений социального действия» [3, с. 40].

2. *Descombes V. A Confusion of Tongues // Anthropological Theory. 2002. Vol. 2. No. 4. P. 433–446.*

3. *Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры» // Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004.*

4. *Ryle G. The Thinking of Thoughts: What Is «Le Penseur» Doing? // Ryle G. Collected Papers. Bristol: Thoemmes Antiquarian Books Ltd., 1990. Vol. II: Collected Essays: 1929–1968.*

5. *Райл Г. Понятие сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.*

6. *Ryle G. On Thinking // Ed. by K. Kolenda; Preface by G.J. Warnock. Oxford: Blackwell, 1979.*

© Каплун В.Л., 2011